

УДК 304.2

А.П. Никитин

БОЖЕСТВЕННОЕ И ДЬЯВОЛЬСКОЕ В ДЕНЬГАХ*

Исследуется амбивалентность представлений о деньгах. С одной стороны, универсальность денег и их преобразующая сила, а также тенденция дематериализации указывают на аналогию денег с божественной силой. С другой стороны, в истории человечества деньги зачастую ассоциировались с чем-то дьявольским и грязным. Каково происхождение указанной амбивалентности и в чём её значение – основные вопросы работы.

Ключевые слова: деньги, капиталистический дух, миф денег, диалектика денег.

«Сколько денег у Бога?» – вопрос, возникший в современной культуре и тем самым показывающий, насколько далеко зашло человечество в своём стремлении считать и оценивать. Возможно, есть люди, которые задаются данным вопросом в действительности и ищут на него ответ, не воспринимая его как художественный приём. Подлинная цель такого вопрошания очевидна: знание количества денег Бога позволяет выяснить собственную степень божественности, которая может оказаться и больше чем 100 %. Человек, раздумывающий над таким вопросом, вряд ли осознаёт, что этим он Бога спускает на землю, а деньги, наоборот, делает трансцендентными. По сути, он спрашивает: «Сколько Бога у бога?».

«Деньги – помет дьявола», – известное изречение Г.Г. Маркеса, в котором колумбийский писатель раскрывает темную сторону денег, восприятие их как чего-то скверного и дурно пахнущего (вопреки крылатому изречению). Связь денег с дьяволом – популярный сюжет и художественной литературы, и народного фольклора, а теме богатства в творчестве писателей различных эпох практически всегда сопутствует тема преступления. Таким образом, существует два полюса в суждениях о деньгах, на описании которых и сконцентрирована данная работа. Конечная цель этого описания – раскрыть происхождение амбивалентности представлений о деньгах в диалектическом и социокультурном аспектах. Для этого сначала будут охарактеризованы случаи взаимосвязи денег с божественной силой, затем проанализированы ситуации отождествления денег с порождением дьявола, после чего рассматриваемое противоречие если и не найдёт конечного разрешения, то по крайней мере обнаружится в явном виде.

1. *Божественное в деньгах.* Французский психолог и социальный мыслитель С. Московичи, комментируя труд Г. Зиммеля «Философия денег», сравнивал деньги с Сократом: «Деньги – это наш Сократ. Платон говорил о философе, своем учителе: «Что подумал бы Сократ о том или другом вопросе?». Точно так же, как только мы видим предмет или слышим о нем, мы спрашиваем: «Сколько он стоит?» [1. С. 371]. В дальнейшем им же признаётся, что деньги для нас оказываются божественным мерилom (точно

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ № 12-03-00372

так же, как мнение Сократа оказывается потусторонней силой для Платона, хотя С. Московичи об этом не пишет): «...Деньги пускают все более глубокие корни в жизни людей. Они выходят за пределы самих себя, если можно так выразиться, в том смысле, что поле их эквивалентов расширяется настолько, что охватывает и устанавливает контакт с наиболее удаленными и чуждыми друг другу вещами, наподобие тех спутников, образы которых «орошают» весь мир. Все, что существует под солнцем, люди и блага, соединяется в единый проект, независимо от различий и антагонизмов. Деньги становятся на определенное время горнилом, в котором их реальность подвергается преобразованию. Всемогушество денег роднит их с представлением о Боге...» [1. С. 412].

Связь денег с божественным можно обнаружить с момента их зарождения. Классическая экономическая теория приписывает возникновение денег бартеру, в процессе которого один товар выделился как средство обмена. В ходе натурального обмена продуктов производства и присвоения субъекты транзакций столкнулись с трудностями, вызванными медленными темпами обращения товаров на рынке. Ситуация, в которой один человек владеет продуктом А, но ему требуется продукт В, а другой человек владеет В, но ему требуется товар С, могла разрешиться только в том случае, если появлялся третий субъект с товаром С и которому требовался продукт А. Создание универсального заменителя стоимости товара обеспечивало существенное ускорение товарооборота. До введения монет таким универсальным заменителем был самый распространённый продукт, т.е. деньги выступали в качестве самостоятельной ценности, сами были товаром. К примеру, деньгами-товарами выступали сикли ячменя или пшеницы (Древняя Месопотамия), шкурки соболей (у народов Севера), соляные бруски (Древняя Русь) и т.д.

Вряд ли эту упрощённую схему можно считать реально действующей. Как показал К. Поланьи [2], неверно было бы считать, что все наиболее значимые функции денег (средство обмена, мера стоимости, средство накопления богатства, средство платежа) сформировались одновременно. Архаичное общество не знало универсальных денег, различные предметы использовались как деньги, но в ограниченных функциональных пределах: одни предметы для обмена, другие в качестве меры стоимости, третьи для накопления богатства, четвёртые для институционального платежа. Кроме того, пока эти функции были разделёнными, употребление денег в качестве средства обмена развивалось позже всего.

Наиболее важным в контексте нашей темы является тот факт, что использование денег в качестве средства платежа не было связано с экономическими сделками. В первую очередь платёж выступал наказанием за вину (штрафы и взыскания за уголовные преступления, а также налог-жертва), он полагался богам и их наместникам на земле. За такие деньги нельзя было купить товар, но можно было получить искупление (первоначальное значение глагола «искупить» – выкупить). В дальнейшем представление о независимом происхождении платежа стёрлось, и деньги стали средством оплаты именно потому, что они – средство обмена. Тем не менее практика денежного откупа от вины и на сегодняшний день довольно распространена, что факти-

чески означает наличие прямой пропорциональности между количеством денег и возможностью снять ответственность за преступление.

В эпохе Средневековья мы находим другой яркий пример связи денег с божественной силой: это раздача индульгенций католической церковью за денежные пожертвования. В принципе, ни католицизм, ни православие не редуцировали свое отношение к деньгам к теме «бессеребничества». Напротив, «богатство» Бога должно было воплощаться и в богатстве церкви (характерно, что слова «богатство» и «Бог» этимологически очень близки). Особенно это заметно в православных храмах, где так много позолоты. Демонстрация богатства не подразумевает автоматически демонстрацию денег, поскольку оно может быть выражено в конкретных материальных активах. Однако в православной церкви таким активом оказывается золото, один из самых древних денежных эквивалентов. Сами церковники объясняют масштабное применение золота в украшениях храмов физическими свойствами данного металла: его неокисляемостью и ярким жёлтым цветом, что символизирует нетленность и сияние Бога. Более прозаичной выглядит версия, в соответствии с которой православная церковь воздействует на сознание своих прихожан, пытаясь представить во внешнем облике, в своём убранстве всю силу и величие Абсолюта. В этой связи поставленный в начале работы вопрос не кажется уже таким риторическим, а деньги в очередной раз являются нам в связи с темой божественного.

Новое время дало новый вариант денежной культуры. Как отмечал М. Вебер, формирование капитализма в странах Европы и становление «капиталистического духа» сопровождалось появлением новой религии и нового типа отношения к деньгам – протестантизма и протестантской этики [3]. Деньги перестали восприниматься как средство для освобождения от кары за грехи, а выступили как способ утверждения нравственности и морали. Нравственный критерий, опирающийся на расчётливость, дал не меньшие результаты, чем критерий, опирающийся на стремление обрести бессмертие в раю. Ожидание и планирование денежной выгоды выступили настоящим действенным механизмом формирования добропорядочного человека: работоспособность, справедливость, пунктуальность, честность оказывают положительное влияние на кредит, а любой незначительный проступок может негативно сказаться на месте человека в обществе и, соответственно, на всём его финансовом благополучии. Каждое действие человека должно оцениваться с точки зрения его эффективности и целесообразности, а уникальным свойством денег оказывается способность разрушать конкретность социальных взаимодействий, привнося в них принципы расчёта в пространственной и временной перспективе. Утилитаристская протестантская этика – это не этика пользы, взятой в её конкретном воплощении как функции удовлетворять человеческую потребность, а программа денежной наживы, в которой средство подменяет цель, в которой приобретение денег становится священным долгом, а сама жизнь оказывается полем для исчисления действительных и возможных доходов и растрат. Переданный потомству капитал – это и есть индивидуальный Страшный суд, который показывает, какую жизнь провёл человек.

Веберовская трактовка «капиталистического духа» связывает его конкретно с протестантской этикой, поэтому приведённые выше рассуждения

могут показаться ограниченными соответствующим протестантским теологическим контекстом. Но М. Вебер не считал, что между протестантизмом и капитализмом есть прямая причинно-следственная связь, скорее, это адекватная взаимосвязь, в которой одному явлению удобно сосуществовать с другим. Кроме того, даже если бы эта связь действовала реально, то не нужно воспринимать вышеприведённые рассуждения о денежной морали как доказательство того, что все люди, живущие в капиталистическую эпоху, склонны к протестантизму. В первую очередь речь идёт о победе капиталистического духа над подлинными человеческими качествами, в результате чего жажда денег подменяет собой все мотивации, а у всех вещей и процессов появляется абстрагированный от их сущности заменитель – денежный эквивалент. Выражаясь словами другого известного исследователя капитализма, «извращение и смешение всех человеческих и природных качеств, братание невозможностей, – эта *божественная* сила денег – кроется в *сущности* денег как отчужденной, отчуждающей и отчуждающейся *родовой сущности* человека. Они – отчужденная *мощь человечества*» [4. С. 149].

В современном обществе божественная сила денег увеличивается за счет усиления их виртуальности. Деньги становятся все более независимыми от реальности и действительных нужд хозяйства. Если раньше денежный знак обозначал какую-то сторону общественного бытия (трудовую стоимость, объем производства и т.д.), то виртуальные деньги не обозначают ничего, кроме самих себя. Источником такой замкнутости можно считать отказ от репрезентативности валюты золотым стандартом. Самовоспроизводство денег становится ничем не ограниченным, финансовая игра не имеет конечной цели, кроме как поддержания самой себя, в итоге абстрагированный денежный «второй мир» приобретает самостоятельное существование по отношению к реальному бытию, превращаясь, выражаясь термином постмодернизма, в «гиперреальность».

Можно подытожить: когда мы говорим о божественном в деньгах, то имеем в виду два исторически сложившихся явления: во-первых, некогда существовавшую способность денег служить средством для божественного прощения, институционализированную в традиционном обществе; во-вторых, наличие в деньгах ценностно-нормативной функции, аналогичной оценочно-регулятивной функции божественного образа, определяющей иерархию реальности во всем ее разнообразии. Второе явление возникает в момент утверждения в деньгах универсального эквивалента, в котором одновременно присутствуют инструментальные свойства быть средством обмена, мерой стоимости, средством накопления богатства и средством платежа. Оно усиливается после того, как деньги перестают воплощать материальное значение, а становятся виртуальной информацией, с помощью которой осуществляется экономический процесс. В результате денежный мир становится своего рода сверхреальностью, оценивающей земное существование человека. Новый образ денег при этом органично включает в себя все те функции, которые сложились еще в традиционном обществе.

Дьявольское в деньгах. В противоположность всему сказанному о божественной сущности денег, можно найти немало свидетельств того, как в истории человеческой мысли деньги ассоциировались с чем-то грязным, сквер-

ным, тёмным и дьявольским. Тот факт, что Иуда предаёт Иисуса за 30 сребренников, навсегда оставляет в христианской памяти представление о злой роли денег в евангельской истории, тем более что сам Иисус относился к ним явно отрицательно. Словосочетания «грязные деньги», «чёрный нал», т.д., обозначая деньги, добытые нечестным, нелегальным способом, указывают на их способность становиться чем-то неприятным и таинственным, результатом «тёмного дела». В массовой среде распространёнными являются выражения типа «деньги – это зло», «деньги портят человека», а популярным сюжетом, описывающим денежное обогащение, является сюжет продажи души дьяволу.

На эту связь денег с омерзительным и дьявольским указывал З. Фрейд в своей работе «Характер и анальная эротика» [5]. Целью автора было показать, как взаимосвязаны жажда к деньгам и скупость с детским вниманием к калу. Попутно З. Фрейд отмечает, что деньги и нечистоты в мифах и сновидениях приведены в самое тесное отношение. Дьявол одаривает своих любовниц золотом, а вслед за его исчезновением оно превращается в кучу фекалий. Известны суеверия, которые связывают находку богатств с процессом дефекации, существует фигура «Dukatenscheissers», обозначающая человека, испражнения которого состоят из дукатов. В соответствии с взглядами древних вавилонян, перешедшими в легенды и сказки других народов, золото представляет собой нечистоты или адские извращения («Mammon-ilu man-man»).

Сам З. Фрейд столь глубокое соотношение денег и нечистот считал выражением переживания острого противоречия между самым значимым, что может быть у людей, и вовсе бесполезным, никчемным, аналогичным отбросам. Э. Фромм, комментируя его работу [6], высказал другое предположение: человек, думая о деньгах, может неосознанно видеть в них что-то мёртвое, безжизненное. Можно ли есть деньги или может ли из них что-нибудь вырасти? Накопление денег – это создание нефункционального запаса, бесполезной собственности. Непогодность денег иллюстрируется мифом о царе Мидасе, который был бы убит золотом, в которое превращалось всё, к чему бы он ни притронулся. Жить только золотом оказалось невозможным, поскольку оно само безжизненно, и Мидас отказался от своего дара.

Полон сюжетной связи денег с дьяволом и русский фольклор. К.А. Богданов, рассматривающий особенности актуализации темы денег в русском фольклоре [7], отмечает, что героями, имеющими деньги, были фигуры, необычные для традиционного аграрного уклада жизни: купец, разбойник и солдат. Само же получение денег зачастую сопровождалось каким-нибудь договором с чёртом либо сделкой с чужаком-инородцем. Во многих случаях деньги возникали или исчезали в контексте темы крови и пьянства. Традиционные мифологические рассказы о деньгах, существующие в современной крестьянской среде, ещё более очевидно передают сюжет дьявольской сущности денег. «Деньги принадлежат нечистой силе» [8. С. 289] – один из основных мотивов мифологических представлений о деньгах. Деньги приносят в дом либо змей-обогатитель, которого затем необходимо своевременно уничтожить, либо черти, находящиеся у колдуна в работниках, либо покойники. Существует популярный образ «неразменного рубля» – денежного средства, обладающего «чудесным свойством всегда возвращаться в карман

своего владельца в нерастроченном виде, после того как с его помощью была оплачена покупка» [9. С. 230]. Чтобы получить такой рубль, необходимо осуществить действие в церкви, нарушающее нормы поведения в подобного рода помещениях, либо прибегнуть к помощи чёрта; «считается, что в неразменном рубле сидит «злой дух», «дьявол», «нечистая сила»» [9. С. 232].

В целом, дьявольская сущность денег раскрывается нам через множество мифов, фольклорных сюжетов, произведений художественной литературы, современных анекдотов, поговорок и поверий, приводить примеры которых можно очень долго, но бессмысленно, поскольку они общеизвестны (что также является свидетельством об устойчивом образе денег, связывающем их со злом).

Решение противоречия. Итак, представление о деньгах достаточно легко включает в себя их включение в паттерн божественного и взаимосвязь с дьявольским и мерзким. Чем объяснить подобного рода амбивалентность? У автора этих строк есть, по крайней мере, две интерпретации данного факта, которые условно можно назвать диалектической и социокультурной. Разделение их условно, поскольку оно указывает лишь на разницу аспектов, а в принципе эти интерпретации не исключают друг друга.

Диалектическое разрешение поставленной проблемы очевидно. Универсальность денег, их могущество и власть над людьми сталкиваются с их бесполезностью в качестве предмета, взятого вне обменной функции. Деньги – тот волшебник, который выполняет желания, а выполнив их, исчезает: мы держим в руках N рублей как абстрактную пользу, которая может принять самые разнообразные конкретные реализации – от получения образования до извращённого секса, но сами денежные знаки не представляют для нас никакой ценности, вдобавок вызывая головную боль по поводу того, где их хранить (хотя проблема хранения денег становится всё менее и менее актуальной, поскольку общая тенденция развития денежных форм – это стремление к дематериализации). Чем больше у нас денег, тем больше возможностей, но ничего ценного мы, на момент наличия денежных знаков, не имеем. Возникает парадокс – абсолютной ликвидностью обладает то, что не имеет никакой ценности само по себе. Здесь уместна будет аналогия с диалектикой бытия и ничто у Г.В.Ф. Гегеля, утверждавшего, что чистое бытие, будучи неопределённым, заполняет собой все, но само по себе есть ничто. Основанием для подобного рода аналогии может служить тот факт, что диалектика идеального и материального в деньгах – это история постепенного лишения материальных форм и движение к всё более и более идеальным формам, апофеозом которых вряд ли стоит считать электронную систему обслуживания сделок. Дематериализация денег – необходимый элемент увеличения их информационной насыщенности и коммуникативной эффективности. Не таким уж и фантастическим выглядит предположение, в соответствии с которым деньги как конкретные предметы исчезнут вовсе, трансформировавшись в чисто идеальную информацию о числе. Иными словами, человек перестанет использовать любой материальный способ существования денег и будет оперировать числовыми выражениями для проведения финансовых операций любой сложности и объёма. Именно в этот момент деньги приобретут подлинный трансцендентный смысл и станут ничем и всем.

Социокультурное разрешение проблемы амбивалентности представления о деньгах указывает нам на ограничения их функционирования, порождённые социально-нормативными смыслами. «Дух капитализма», согласованный с процессом рационализации, должен, по всей видимости, лишить общественную жизнь содержания, превратив её в чистую форму, где будут господствовать целерациональные действия, в которых целью выступают деньги. С этой позиции деньги действительно становятся богом, а реализация такой перспективы, по сути, означает конец истории.

Но люди остаются людьми, и, как говорится, грешными людьми. Так или иначе, они видят в деньгах не только бога, который сделает их всемогущими, но и дьявола, который забирает у них жизнь со всеми её желаниями и страданиями. Служение деньгам, по сути, оказывается отречением от самого себя в пользу идола, который должен дать нечто, что станет эквивалентом человеческого существования, и, в этом отношении, подавляющее большинство людей «продают душу дьяволу», просто идя на работу. Процесс траты денег только завершает порочный круг: подлинная жизнь человека заменяется в этот момент ощущением господства над социальными и природными процессами, порождая иллюзию наличия божественной силы.

В контексте социокультурного объяснения можно вспомнить и множество других аспектов, вызывающих негативную реакцию на деньги при понимании их необходимости. В первую очередь это их способность толкать людей на преступление, вызывать страсть к себе, разрушать человеческие жизни. Огромное количество гуманистов писало об этом, обращая внимание, что такая разрушительная сила возникла в результате надления денег чертами фетиша.

Социокультурную обусловленность рассматриваемой нами амбивалентности можно эксплицировать на примере отношения к деньгам в российском обществе. На протяжении долгого времени отечественной истории негативное представление о деньгах питалось образами из крестьянской среды, которая жила в основном натуральным обменом. С 1917 г. мифология денег формировалась под влиянием радикальной большевистской идеологии, опирающейся на философию К. Маркса, в которой деньги выступали как символ капитализма, требующий упразднения. С развалом СССР и становлением свободной рыночной экономики ценность денег, наоборот, стала гипертрофированной, но эта максимизация значения не уложилась органично в социокультурный уклад, в результате чего не сложилась соответствующая денежная культура, предполагающая расчёт долгосрочной перспективы. Символом российского капитализма оказался золотой унитаз. Человек, приобретающий такой элемент сантехники, демонстрирует неограниченность своих финансовых возможностей. Одновременно с этим он собирается в результат своих капиталовложений испражняться. Становится очевидным, что такой приобретатель копит деньги для того, чтобы показать своё презрение к ним; чем больше состояния у него, тем больше он может являть своё наплевательское отношение к нему. Либо, наоборот, он пытается вложить деньги во всё что угодно, лишь бы это состояние окружало его повсюду и давало о себе знать в конкретных предметах. В любом случае такой индивид теряет альтернативность применения денег, практически теряет их. Это не плохо и не хорошо, а просто не по-капиталистически. На другом полюсе существова-

ния оказались бедные люди, лишённые денег и не верящие, что их наличие отражает личные качества, достоинства, успех человека. Они начали демонизировать богатых, наделяя их свойствами бесчеловечности и жестокости. Получается, что деньги отторгаются и теми, и другими, а образ жизни оказывается в противоречии с формой капиталистического, а уж тем более постиндустриального уклада.

Можно констатировать, что амбивалентность представлений о деньгах, в которой наличествуют их обожествление и демонизация, вытекает из самой природы денег: с одной стороны, всемогущество денег роднит их с Богом, с другой стороны, способность денег разрушать человеческую жизнь роднит их с дьяволом; с одной стороны, через них оцениваются все вещи и процессы, с другой стороны, они сами не имеют никакой ценности. По всей видимости, для того, чтобы деньги перестали восприниматься как Бог или дьявол, они должны обрести человеческую суть, т.е. отражать трудовую деятельность человека (как, например, Итаковский час). Однако подобного рода преобразования в современной экономике практически невозможны, поскольку она держится на виртуальных деньгах, ничем не обеспеченных. Поэтому стоит ожидать, что современная мифология денег будет только обогащаться новыми смысловыми контекстами, а образ денег станет одним из главных символов мировой культуры.

Литература

1. *Московичи С.* Машина, творящая богов. М.: КСП+, 1998. 560 с.
2. *Поланы К.* Семантика использования денег // «Великая трансформация» Карла Поланы: прошлое, настоящее, будущее / под ред. Р.М. Нуреева. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. С. 125–137.
3. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61–272.
4. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Изд-во политической литературы, 1974. С. 41–174.
5. *Фрейд З.* Характер и анальная эротика // Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск: Попурри, 1997. С. 151–155.
6. *Фромм Э.* Искусство быть. М.: АСТ, 2012. 220 с.
7. *Богданов К.А.* Деньги в фольклоре. СПб.: Белл, 1995. 128 с.
8. *Мороз А.Б., Петров Н.В.* Деньги в мифологических представлениях и обрядовых практиках: современная крестьянская традиция // Антропологический форум онлайн. 2013. № 18. С. 288–310
9. *Белова О.В.* Неразмennyй рубль в поверьях и магических практиках славян // Антропологический форум онлайн. 2013. № 18. С. 230–242.

Nikitin Anton Pavlovich Katanov Khakass State University (Abakan, Republic of Khakassia)

DIVINE AND DEVILISH IN MONEY

Key words: money, capitalistic spirit, money myth, money dialectics

In this work the essence of money conception ambivalence is revealed. On the one hand, money universality and its transforming power, its power over people, the ability to define moral principles and also the tendencies of democratization point to money analogy with the divine power. On the other hand, in human history, myths and traditional conceptions, money associated with something devilish and dirty, with appearing of the evil spirit very often. The connection of money with divine we can find in the following points.

– The Polanyis' investigation has shown that money appearance did not mean its usage as a universal exchange process. In particular, money usage as a source of payment was not connected with economical bargains. Firstly, any payment was like a punishment of guilt, it was stated by Gods and by

their vicars on the Earth. It was impossible to buy goods for this money but it was possible to get expiation.

– Money universality in modern society allows speaking about the importance of utilitarian ethics where money takes the moral God's power.

– Money thanks to its ability to calculate everything and, on ground that, to compare establishes has its own world order.

– Gold as one of the most ancient money equivalents is also one of the most ancient God's symbols.

There is an opposite view. One of the main reasons of mythological conceptions about money is that there is a motive which sounds like "Money belongs to the evil spirit". For example, according to the ancient Babylonians' view point money is hellish eruption. In Russian peasant culture there is a superstition that money is brought by devil or snakes. In modern Russian society the associative relation of money with something dark and dirty is rather spread and well-established. The mentioned ambivalence can be continued with the following factors. Firstly, money universality, their power over people causes a clash between their uselessness as a subject taken beyond exchange function. This contrast is between the most important and, as a matter of fact, uselessness. Money performs the abstract usage, but itself it is "dead". Secondly, money property itself is to destroy the conception of interpersonal relationships, to introduce calculation principles that form the reaction of hatred and contempt expressed in conception about devilish essence of money.

References

1. *Moscovici S. Mashina, tvoryashchaya bogov* [La Machine à faire les dieux]. Translated from French by T.P. Emel'yanova. Moscow: KSP+ Publ., 1998. 560 p.
2. *Polanyi K. Semantika ispol'zovaniya deneg* [The semantics of money]. In: Nureyev R.M. (ed.) *Velikaya transformatsiya Karla Polan'i: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Great transformation of Karl Polanyi: past, present, future]. Moscow: Higher School of economics (HSE) Publ., 2007, pp. 125–137.
3. *Weber M. Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Translated from German by M.I. Levina, A.F. Filippov, P.P. Gaydenko. Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 61–272.
4. *Marx K. Ekonomicheskoye-filosofskie rukopisi 1844 g.* [Economic and philosophic manuscripts of 1844]. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Translated from German. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury Publ., 1974, pp. 41–174.
5. *Freud S. Psikhooanaliticheskie etyudy* [Delusions and dreams in Jenien's Gradiva]. Translated from German. Minsk: Popurri Publ., 1997, pp. 151–155.
6. *Fromm E. Iskusstvo byt'* [The Art of being]. Translated from German by R.V. Semash. Moscow: AST Publ., 2012. 220 p.
7. *Bogdanov K. A. Den'gi v fol'klore* [Money in folklore]. St. Petersburg: Bell Publ., 1995. 128 p.
8. *Moroz A.B., Petrov N.V.* Money in mythological representations and ritual practices: modern peasant tradition. *Antropologicheskyy forum online*, 2013, no. 18, pp. 288–310. (In Russian).
9. *Belova O.V.* The unspendable coin (nerazmennyy ruble) in Slavic folk beliefs and magic practices. *Antropologicheskyy forum online*, 2013, no. 18, pp. 230–242. (In Russian).